

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

САМОДЕРЖАВИЕ
В ИСТОРИИ
РОССИИ

СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ

МОСКВА
2013

История России (ИНИОН)

Коллектив авторов

Самодержавие в истории России

«Агентство научных изданий»

2013

ББК 63.3(2)

Коллектив авторов

Самодержавие в истории России / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2013 — (История России
(ИНИОН))

ISBN 978-5-248-00676-2

Сборник посвящен 400-летию династии Романовых. Рассматриваются проблемы становления и развития самодержавия в России, внутренняя и внешняя политика Российской империи, причины крушения монархии в 1917 г. Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-248-00676-2

© Коллектив авторов, 2013
© Агентство научных изданий, 2013

Содержание

Предисловие	5
Проблемы политогенеза у восточных славян и эволюция княжеской власти в средневековой Руси	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Самодержавие в истории России. Сборник обзоров и рефератов

Предисловие

В 1913 г. Россия отметила 300-летие Дома Романовых, избрание на престол Михаила Федоровича, – первого царя из династии Романовых. Этим актом Земский собор как бы подводил черту и под Смутным временем.

Но еще более страшная смута, двери которой открыла Первая мировая война, уничтожила и Российскую империю, и августейшее семейство. Эта смута, победителями из которой вышли большевики, наложила свой отпечаток на все XX столетие. Завершавшее его десятилетие было отмечено обвалом 1991 г., взвихрившим публицистические и научные страсти. Острые дискуссии в средствах массовой информации и в академической среде по многим вопросам отечественной истории, в том числе и по монаршим персоналиям, это, в сущности, неизбывная полемика о перспективах развития России.

И в историческую науку 1991 год принес разительные перемены. Нет наваждения былой идеологии, нет табу ни на одну тему, доступными стали практически все архивы, и – никаких препон к сотрудничеству с зарубежными коллегами. Известный историк Б.М. Миронов пишет, что в настоящее время стена между западной и отечественной историографией быстро разрушается, если уже не разрушилась вовсе, что формируется сообщество историков-русистов не только всероссийского, но и мирового масштаба, это нормально для эпохи глобализации. С ним вполне солидарна проф. М. Перри (Великобритания), авторитетно свидетельствующая, что на развитие зарубежной историографии, в том числе и допетровской России, самое серьезное влияние оказал обвал Советского Союза, знаменовавший конец марксистских подходов к изучению истории. Новые подходы и западных, и российских специалистов к изучению истории настолько сблизили позиции ученых, что, полагает М. Перри, с 1990-х годов можно даже говорить об определенной степени конвергенции между российской и западной историографией допетровского времени. И не только того времени, это свойственно и исследованиям истории России в целом.

Научное сообщество переосмысливает российскую историю. На языке нового историографического времени. Формационная теория «слиняла», как «выцвел» и ее антипод – «тоталитарная модель». И хотя доминирующей теории, парадигмы вроде бы нет ни у отечественных, ни у зарубежных историков, это как бы компенсируется обращением к циклической теории и к теории модернизации, к наследию западников, славянофилов, евразийцев и т.д., использованием междисциплинарного подхода, освоением «новой культурной истории», которая применяется универсально, в том числе и в исследованиях по политической истории.

Главное в этом новшестве – внимание к культурному контексту поведения человека, преимущественный анализ культурных форм (символов, ритуалов, дискурсов и т.п.) и понимание в духе постструктурализма того, как язык порождает новые знания, давая иной смысл тому, что мы понимаем как реальность. Обращение ученых к «новой культурной истории», к экспериментам с лингвистикой, «нарративом» и «дискурсом», к идеям постмодернизма, в 1990-х годах стало, можно сказать, массовым явлением в исторической науке, хотя у постмодернизма и его идей есть и откровенные противники.

Неудивительно, что история российского самодержавия, которая изучается теперь в свете этих новаций, во многом уже представляется не так как прежде. Теперь считается, что

оно постепенно эволюционировало, дрейфовало под сень закона, к гражданскому обществу, несмотря на централизацию государственного управления и быстрый рост бюрократии. Причем абсолютизм был инициативным, гибким и не слишком конфронтационным. И всей полнотой своей власти практически не располагал: часть ее была у местного самоуправления, часть – у высших государственных органов, в которых нередко погоду делали представители тех или иных семейных кланов. И воздействовал монарх на своих подданных часто ритуалами и репрезентациями. И дело модернизации страны продвигал прежде всего венценосец, высшая государственная власть. И вполне успешно. Современные историки в большинстве своем рассматривают Россию второй половины XVIII – начала XX в. как члена европейской семьи. По крайней мере гершенкronовские сентенции о сугубой отсталости России – это уже вчерашний день историографии.

Сравнительно новое направление в науке – изучение истории Российской империи, в которую входило более 200 больших и малых народов. Бытовавшее утверждение о России как тюрьме народов теперь отвергается с порога: народы сохраняли свою религию, культуру, самоуправление. Многие представители местных элит влились в российскую аристократию. Государственное управление окраинами в целом не было деспотическим, но и не идиллическим. Главный вопрос, который более всего интересует современных историков, это причины долговременного существования империи, ее прочности. Рассматриваются вопросы колонизации, проводятся сравнения империй. Обоснованно утверждается, что империи, существовавшие в рамках одной и той же международной системы государств, сталкивались со многими схожими проблемами. Они представляют наилучший материал для сравнительной истории.

Отечественные и зарубежные исследователи в последние годы опубликовали немало книг о русских императорах, вписывая биографии монархов в контекст эпохи и порой пересматривая традиционные мнения о них. На Западе, как отмечал еще в середине 1990-х годов проф. Ханс Иоахим Торке, персонализированное рассмотрение истории длительное время отвергалось под влиянием франкфуртской школы и школы «Анналов». Поэтому последняя большая биография одного из русских императоров – Петра Великого – на немецком языке была написана в 1964 г.

В настоящем сборнике помещены информативные материалы, отражающие современную литературу по истории самодержавия. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу. Он открывается обзором работ, в которых рассматриваются проблемы возникновения и эволюции княжеской власти, предшествующей самодержавной власти царя.

О времени образования русского централизованного государства и правлении Ивана IV существует огромная литература. Об этом написаны и книги известных отечественных историков: А.А. Зимина, С.О. Шмидта, Л.В. Черепнина, С.Г. Скрынникова, Н.Е. Носова, А.Л. Хорошкевич др. К их классическим трудам уже много лет обращаются и специалисты, и широкая читательская аудитория. Менее известны работы современных зарубежных исследователей. Поэтому в сборнике представлены реферат монографии крупного британского ученого И. де Мадариага и обзор польских исследований.

В связи с тем, что все большее внимание ученых привлекает история государственного управления, в частности история приказной системы, в сборник включен обзор новейшей литературы по этой теме.

В сборник вошли рефераты и обзоры о восприятии царской власти и монарха в XVI – начале XX в., ряд материалов об абсолютизме XVIII в., о Российской империи, ее социальной истории, сословном обществе, о власти и реформах, последних годах существования старого режима.

Авторы сборника выражают надежду, что информативные материалы, составляющие его, будут полезными для читателей.

В.М. Шевырин

Проблемы политогенеза у восточных славян и эволюция княжеской власти в средневековой Руси (Аналитический обзор)

А.Е. Медовичев

Проблемы образования государства у восточных славян, характера русской средневековой государственности, специфики верховной власти в княжеской Руси и истоки русского самодержавия уже более 250 лет привлекают внимание историков, рассматривавших эти проблемы, как правило, в контексте общественного строя страны в целом. Детальный анализ их концепций представлен в работе М.Б. Свердлова (16). Как отмечает исследователь, для российских историков XVIII – первой половины XIX в. от В.Н. Татищева до Н.М. Карамзина, находившихся под влиянием западноевропейских идей о единстве исторического прогресса народов Европы, аксиомой являлось представление о феодальном характере общественного строя Руси и княжеской власти домонгольского периода как монархической. Однако начиная с 1830-х и вплоть до середины 1890-х годов в отечественной исторической науке, не без влияния установок официальной правительственной идеологии, а также славянофильства и народничества, утвердилось мнение о различии путей исторического развития Западной Европы и России. Соответственно происхождение княжеской власти, сословий, городов, с точки зрения большинства русских историков, было иным, чем в Западной Европе, где существовал феодализм, которого, по их мнению, не было на Руси, где государь и государство лишь венчали общинно-вечевой строй «Земли» (16, с. 6–7).

Возврат к концепции единства исторического развития России и стран Западной Европы в середине 90-х годов XIX в. связан с именем Н.П. Павлова-Сильванского, установившего наличие развитых феодальных институтов на Руси XIII – первой половины XVI в. Впрочем, предшествующий период, до XII в. включительно, оставался в его понимании «дофеодальным» в соответствии с характеристиками общинно-вечевой теории. В это же время А.Е. Пресняков показал, что Русь XI–XII вв. представляла собой не совокупность вечевых общин, вступавших с князьями в договорные отношения, а земли (волости) – княжения, являвшиеся их наследственными вотчинами (16, с. 12–13).

В целом, отмечает М.Б. Свердлов, концепции Н.П. Павлова-Сильванского и А.Е. Преснякова заложили основы нового синхростадиального сравнительно-исторического подхода к изучению средневековой Руси в едином контексте европейских стран, получившего распространение в русской исторической науке 1900–1920-х годов.

В советский период значительные коррективы в представления о характере экономической и социальной среды, в которой находился древнерусский князь, а также системы социально-политических связей, в которую княжеская власть была включена до XIII в., внесла концепция Б.Д. Грекова о феодализме в Киевской Руси, понимаемом как сочетание крупного землевладения с крепостничеством. В то же время широкое признание получила оценка политического строя Руси X–XI вв. как раннефеодальной монархии, а периода раздробленности – как феодально-иерархической структуры, основанной на связях сюзеренитета-вассалитета. Другое исследовательское направление акцентировало внимание на неземельных фьефах-феодах как основе феодальных общественных отношений (16, с. 22).

В работах отечественных историков 1990–2000-х годов (М.Б. Свердлова, А.А. Горского, В.В. Седова, В.Я. Петрухина, И.П. Ермолаева, Н.Ф. Котляра и др.), рассматриваемых в данном обзоре, истоки и эволюция восточнославянской государственности, социально-экономического строя Руси и ее политических институтов продолжали изучаться на основе различ-

ных подходов и с разных позиций. Несомненно, заслуживает внимания и концепция ранней русской истории, представленная в монографии британских историков С. Франклина и Дж. Шепарда и в статье французского византиниста К. Цукермана, которая является наиболее распространенной в современной зарубежной историографии.

Использование широкого круга нарративных, юридических, археологических и лингвистических источников позволяет исследовать происхождение и эволюцию восточнославянской государственности и верховной власти начиная с VI в. – времени существования двух, уже бесспорно славянских археологических культур – пражско-корчакской и пеньковской. Носителей этих культур историки отождествляют с двумя крупными группировками славян, известными в письменных источниках середины VI в. под названиями словене (Σκλαβῆνοι, Sclaveni) и анты (Ἄνται, Antes) (1, с. 10).

Источники VI в. отмечают наличие у славян знати (primates, τοῖς ἐθνάρχαις). Для обозначения славянских князей, так же как и германских королей, византийские писатели пользовались заимствованным из латинского языка термином *ρῆγες* («короли») или более широким по значению греческим понятием *ἀρχοντες*, что, по мнению М.Б. Свердлова, отражает в социально-политической терминологии единые индоевропейские генетические истоки княжеской власти. В целом, как полагает исследователь, сравнительный анализ социальных, политических и военных институтов славян VI – начала VII в. и германцев I–II вв. свидетельствует о синхростадиальности их общественного строя (16, с. 55–56, 66).

Согласно Тациту, основной функцией короля (*rex*), избираемого по принципу знатности, являлось управление племенем в мирное время, тогда как герцог (*dux*) был выборным предводителем воинов. Собственно германскими терминами, обозначающими правителя, служили др.-верхн.-нем. *kuning*, др.-сканд. *konungr*, которые возникли из названия главы рода (прагерм. *kuningaz). Славяне в процессе этнокультурного и политического взаимодействия с германцами заимствовали прагерм. *kuningaz для обозначения главы племени в форме *kъnedzъ («князь»). Этот заимствованный термин вытеснил исконно славянское слово *vlodyka («владыка»). Термин *dux*, в свою очередь, соответствовал др.-верх.-нем. *herizoho* и средн.-верхн.-нем. *herzoge* (букв. «воевода») и был синонимом слова *vojvoda, «предводитель воинов», в праславянском языке. Впрочем, судя по византийским источникам, князь в славянском племени мог избираться и предводителем войска, т.е. выступать одновременно и в роли воеводы (16, с. 72).

Как полагает М.Б. Свердлов, особый социальный статус князя основывался не только на воле народного собрания племени. Его поддержанию способствовал также институт дружины, относящийся к системе княжеской власти. Слово *druhina в значении «товарищество» существовало в праславянский период. В позднем племенном обществе это было постоянное добровольное объединение в военное и мирное время людей, связанных отношениями дружбы–службы со своим предводителем, обособленное в социальном плане и обладавшее собственной внутренней иерархией. Материальным обеспечением дружинников, помимо доли в военной добыче, служили пиры с дальнейшим их развитием в продовольственное обеспечение («корм»), которое они получали не от племени, а от князя (16, с. 76–77).

Впрочем, вопрос о существовании у славян дружины в рассматриваемый период из-за отсутствия прямых свидетельств источников вряд ли может быть решен однозначно. Сам М.Б. Свердлов основывает свои выводы, опираясь главным образом на описание Тацитом этого института в германском обществе. Тот же источник лежит в основе реконструкции им статуса князя у славян VI – начала VII в. По археологическим материалам, относящимся к данному периоду, прослеживается одинаково бедный обряд погребения, характерный для славянских археологических культур, что, как отмечает исследователь, свидетельствует об отсутствии еще в это время социального неравенства либо практики ее фиксации в погребальном ритуале.

Тем не менее, полагает он, внутреннее социально-экономическое и политическое развитие славянских племен, их тесные контакты с Византией, германцами и аварами, вероятно, способствовали ускоренному выделению княжеской власти из системы традиционных племенных институтов (16, с. 80–81). Не исключено, однако, что идея о зарождении у славян в VI–VII вв. института княжеской власти является модернизацией исторического процесса (см.: 7, с. 35).

Несомненно, что словене и анты, являвшиеся весьма обширными группировками славян к моменту начала их Расселения, включали в себя ряд общностей. Однако названия таких общностей, которые принято считать «племенами» или «союзами племен», появляются в источниках только начиная с VII в. и, судя по их этимологии, являются новыми названиями этнополитических структур, которые в праславянскую эпоху, до Расселения, бесспорно не существовали. Смена большей части этнонимов, по мнению А.А. Горского, предполагает, что в результате Расселения прежняя (очевидно, племенная) структура праславянского общества была разрушена и сформировались новые сообщества, носившие уже не кровнородственный, а территориально-политический характер. Для обозначения этих славянских сообществ, считает он, больше подходят термины «племенные княжества» и «союзы племенных княжеств», «поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была хотя еще и догосударственной, но уже постплеменной, являла собой переходный этап от племенного строя к государственному, и формирование славянских государств происходило на основе именно этой переходной этнополитической структуры (а не непосредственно из племенной, как часто подразумевается в историографии)» (1, с. 14).

Соответственно, иначе, с точки зрения А.А. Горского, должна рассматриваться и проблема так называемой «племенной знати», существование которой у славян в период до образования государств также является общим местом в историографии и, казалось бы, не должно вызывать сомнений. Племенную старшину восточных славян, которая, собственно, и могла только составлять основную массу племенной знати, долгое время видели в упоминаемых в русском Начальном летописании «старцах» и «старейшинах». Но анализ употребления этих терминов в древнерусской письменности показал, что они являются книжными и не несут информации о реальных общественных категориях. В источниках, относящихся к другим регионам раннесредневекового славянского мира, отсутствуют надежные данные о наличии племенной старшины. В них явно преобладают термины – «мужи» князя, «друзи», *fideles* («верные»), *nobiles viri fideles* («благородные мужи верные»), *homines* («люди») князя, *optimates* («лучшие») и т.п., – которые, с точки зрения исследователя, указывают на служилый, «дружинный», характер знати. «Племенная знать», пишет он, несомненно, существовала в праславянских племенах «дорасселенческого» периода, но в ходе расселения в результате слома старой племенной структуры основная ее часть – племенная старшина – утратила свои позиции, все больше уступая место новой, служилой знати, не связанной с родовыми и племенными институтами, формировавшейся по принципу личной верности предводителю – князю (1, с. 19).

М.Б. Свердлов отдает предпочтение понятию «племенное княжение» – общепринятому в современной историографии, отмечая при этом, что термин «племенное княжество» упреждает формирование княжества как определенной государственной структуры во главе с князем (16, с. 87). Князь племенного княжения, полагает он, вероятно, действовал еще в рамках традиций племенного строя в исполнении своих административных, судебных и, возможно, воеводских функций. Можно лишь предполагать, что его роль в какой-то из этих сфер возросла, о чем косвенно свидетельствует сватовство древлянского князя к вдове великого русского князя, которой вряд ли могли предложить в мужья малозначимое племенное должностное лицо. По мнению М.Б. Свердлова, племенные князья могли быть в числе «светлых и великих князей», которые фигурируют в договоре 911 г. Руси с Византией в качестве находящихся «под рукою» великого князя русского Олега. Такой их титул может свидетельствовать

о высоком статусе глав племенных княжений как внутри этих княжений, так и в общерусском контексте (16, с. 89).

Древлянская знать, которая вместе с князем принимает политические решения и участвует в их исполнении, в Повести временных лет (далее – ПВЛ) названа «лучшими мужами» и «мужами нарочитыми». «Лучшими мужами» названа также знать словен, кривичей, чуди и вятичей, которых князь Владимир Святославич переселил в конце X в. в южнорусские города, ликвидируя тем самым племенную знать с целью окончательной интеграции племенных княжений в состав Русского государства. Понятия «нарочитые мужи» и «лучшие мужи» М.Б. Свердлов считает синонимами, которые соответствуют таким терминам, как *optimates*, *maiores*, *honestiores* в латиноязычной письменности. Оба понятия использовались в легендарном пласте известий ПВЛ для обозначения племенной знати, тогда как в качестве названия русской знати середины XI в. они уже не применялись (16, с. 90).

С точки зрения Н.Ф. Котляра, мысль о существовании в племенных княжениях социально обособленной потомственной знати с князем и его дружиной является ошибочной. Примечательно, пишет он, что в ПВЛ «племена» фигурируют безлично, как совокупность населения. Даже в прославляющем полян повествовании об уплате ими дани хазарам мечами, по видимому, относящемся к эпохе племенных княжений, поляне выступают общей массой: их князь (или князья) не назван и не упомянуто о его существовании, что, возможно, свидетельствует об отсутствии единоличной власти. Известия летописцев о восточнославянском обществе персонифицируются со второй половины IX в., с момента появления Рюрика в Новгороде и захвата Аскольдом и Диром Киева. И в дальнейшем летописцы ведут повествование, всегда называя имена князей, активных действующих персонажей исторических процессов. Таким образом, племенные княжения, полагает исследователь, не были начальной формой восточнославянской государственности, но со временем стали ее фундаментом и непосредственными предшественниками первого настоящего государства, возникшего в Среднем Поднепровье в середине IX в., и даже сосуществовали с государством (7, с. 34–35).

Наиболее ранние сведения о Руси как политическом образовании содержатся в Бертинских анналах в связи с посольством византийского императора Феофила ко двору императора франков Людовика Благочестивого в 839 г. В составе посольства оказались люди, которые в сопроводительном письме Феофила были обозначены как представители народа *ghōs*. Однако проведенное Людовиком расследование установило, что они являются шведами (*comperit eos gentis esse Sueonum*). Способность Людовика и его советников распознать шведов (свеонов) современными историками не подвергается сомнению (см.: 16, с. 93; 21, с. 40).

Очевидно, что термин *rūs / rhōs* использовался для обозначения какой-то группы людей преимущественно скандинавского происхождения. Однако споры о том, кто такие эти *gūs / ghōs* и откуда они пришли, продолжаются уже более двухсот лет, занимая центральное место в дискуссии о роли норманнов в формировании государства Русь. Между тем неоспоримым фактом является то, что название «русь» принадлежит к западнофинскому этнонимическому ряду: корсь, чудь, сумь, весь и т.д. Финноязычные народы называют шведов *ruotsi*, *rootsi* (в восточнофинском варианте – *roossi*), что закономерно трансформируется в древнерусском языке в *русь* подобно тому, как самоназвание финнов – *suomi* – в сумь. В процессе славянской колонизации финноязычного севера, где славяне в финской среде столкнулись со скандинавами, они, очевидно, восприняли от местного населения и название норманнов – *ruotsi* > русь. Последние историко-этимологические исследования показывают, что эти названия (*ruotsi*, *rootsi*) восходят к др.-сканд. словам с основой на **roius-*, типа *roiosmardr*, *roioskarl* со значением «гребец, участник похода на гребных судах». Вероятно, так называли себя «росы» Бертинских анналов и участники походов на Византию (см.: 15, с. 189–192; 13, с. 51, 53; 12, с. 99; 5, с. 226; 21, с. 30).

Примечательно также, что система сборов в поход на Византию у росов аналогична сборам морского ополчения в средневековой Швеции – ледунгу. Ледунг собирался в области на

побережье Швеции – Рослаген (Rödslagen), с которой не раз (начиная с А. Шлёцера) связывали происхождение Руси. В действительности этот топоним содержит ту же основу * гоюс-, что и слова, обозначающие гребцов-дружинников, давшие основу названия «русь», которое, таким образом, было походным, а не племенным названием. Из контекста источников ясно, что выражение «вся русь» означало не какое-то конкретное племя, а дружину в походе на гребных судах. Это название княжеских дружин распространилось в процессе консолидации Древнерусского государства на все население страны от Ладоги и Верхнего Поволжья до Среднего Поднепровья. Поэтому составителю ПВЛ оно было известно прежде всего как этноним, а поскольку поиски племени под таким названием в Скандинавии не увенчались успехом, это, как отмечает В.Я. Петрухин, дало возможность некоторым исследователям, во-первых, объявить все построение летописца о происхождении руси тенденциозным сочинительством, а во-вторых, «право» искать изначальную русь где угодно, в зависимости от того, насколько были созвучны отыскиваемые аналогии: на Рюгене у ругиев, у кельтов-рутевов, иранцев-роксоланов, даже у индоариев. Естественно, все эти поиски могли осуществляться лишь при решительном абстрагировании от контекста летописи (12, с. 100; 13, с. 52, 55).

Скандинавская этимология имени «русь» принята большинством лингвистов (см.: 13, с. 75). Очевидно, что среди руси, фигурирующей в Бертинских анналах, к 838 г. сформировался некий тип политической структуры, которую, по словам гостей императора Людовика, возглавлял *chaganus* («каган»). Титул «каган» в VIII вв. носили правители Хазарии, но он, по-видимому, был настолько хорошо знаком шведскому *konungr*, что мог считаться приемлемым и для него самого. Наконец, франкский император Людовик II в своем письме византийскому императору Василию I в 871 г. указывает, что в империи франков «каганом» именуется глава авар, а не хазар или норманнов (*nortmanni*). В этом послании термин *rūs* не применен, но наиболее вероятно, что под «каганом норманнов» имеется в виду правитель Руси скандинавского происхождения (1, с. 54; 21, с. 40).

Впрочем, главный вопрос состоит в том, где располагалась резиденция этого правителя и так называемый «каганат русов». Две версии, сохраняющие актуальность в настоящее время, которые можно условно обозначить как «южная» и «северная», помещают «русский каганат», соответственно, в Среднем Поднепровье (с центром в Киеве) и в Приильменье (с центром в Ладоге или Новгородском (Рюриковом) городище) (см.: 19, с. 64).

Те, кто придерживаются южной гипотезы, приводят данные восточных, византийских и западноевропейских источников, которые, по их мнению, свидетельствуют о локализации «каганата русов / росов» в Среднем Поднепровье (17, с. 77; 16, с. 96–99; 1, с. 56–57; 7, с. 35; 8, с. 30). В «Баварском географе» – источнике IX в. – Русь (*Ruzzi*) названа рядом с хазарами (*Cazari*), что, по мнению А.А. Горского, указывает на юг Восточной Европы. Вероятнее всего, полагает он, связывать «Русский каганат» с предшественниками Олега в Среднем Поднепровье – упоминаемыми в ПВЛ варяжскими правителями Киева Аскольдом и Диром (др.-сканд. *Ншskuldr* и *Diri*) и теми, кто был там у власти до них и отправлял посольство в Византию в 839 г. Таким образом, «Русский каганат» сложился на территории, ранее контролируемой хазарами. Трудно сказать, когда и каким образом власть в этом образовании перешла к норманнам, а их предводитель принял титул кагана в качестве главы «государства», конкурирующего с собственно Хазарией. Но это должно было произойти, несомненно, ранее 871 г., когда правитель Руси в письме Людовика II был назван «каганом норманнов», и скорее всего до 860 г., когда «русь» совершила поход на Константинополь, полагает А.А. Горский (1, с. 56–57).

По мнению В.В. Седова, русы («народ рос» Бертинских анналов) были одним из крупных диалектно-племенных образований славянства, представленного в V–IX вв. волынцевской и именьковской культурами. Происхождение самого этнонима «русь» он относит к антскому периоду, когда имел место славяно-иранский симбиоз. Подобно некоторым другим славянским племенным названиям (сербы, хорваты, анты и др.) русь – ославяненный, первоначально несла-

вянский этноним. Он восходит или к иранской основе *gauka- / *ruk- (осетин. guxs / goxs – «светлый», персид. guxs – «сияние»), или, как и обширная однокорневая топонимическая номенклатура Северного Причерноморья, произведен от местной индоарийской основы *guksa/*(s)sa – «светлый», «белый» (17, с. 67). Как разновидность славян трактует русов (ар-Рус) Ибн Хордадбех (18, с. 28). Впрочем, это единственный из арабских писателей, кто смешивал русов со славянами. Все остальные их четко различали (см.: 4, с. 15).

С племенным образованием русь, ассоциируемым с носителями волынцевской и трансформировавшихся из нее культур, В.В. Седов связывает раннегосударственное образование «Русский каганат», территория которого охватывала Днепро-Донское междуречье, где позднее располагалась и «Русская земля» в узком смысле (17, с. 77). Принятие главой русов титула «каган» свидетельствует о полной их независимости от хазар в 30–60-е годы IX в. Картографирование кладов куфических монет демонстрирует абсолютное преобладание этих находок на территории Русского каганата. На этом основании исследователь делает вывод о том, что «на юге Восточно-Европейской равнины в IX в. ведущая роль в распространении восточных монет и, очевидно, в торговых операциях со странами Востока принадлежала не Хазарии, а Русскому каганату» (17, с. 75).

К внешнеполитическим акциям Русского каганата В.В. Седов относит посольство в Ингельгейм в 839 г., набег русов на Амастриду (вероятно, в 840 г.) и нападение их флота на Константинополь в 860 г. (18, с. 31–32). О противостоянии с хазарами свидетельствует строительство последними в 30–40-е годы IX в. серии крепостей на северо-западной границе, призванных сдерживать натиск крепнущего соседа, а также служить базой для покорения соседнего славянского населения (17, с. 73; 18, с. 36).

В конечном счете под натиском хазар Русский каганат как единое государственное образование, объединявшее земли полян, северян, вятичей и донских славян, перестал существовать, а сами эти племена в 60–70-е годы IX в. оказались данниками хазар. Только поляне сохранили политическую независимость, создав свое племенное княжество с центром в Киеве, в котором, однако, власть вскоре была захвачена Аскольдом и Диром (17, с. 77).

Возникновение в Среднем Поднепровье объединения восточнославянских племен, с точки зрения М.Б. Свердлова, было ускорено внешним фактором – агрессией со стороны Хазарского каганата. В первой трети IX в. группа скандинавов, воинов и купцов, прошла по уже сложившемуся Балтийско-Днепровско-Черноморскому пути («из варяг в греки») с Северо-Запада Восточной Европы в Среднее Поднепровье, зону славянского расселения, и влилась в процесс формирования государственного образования в этом регионе. Однако, в отличие от В.В. Седова, установление здесь хазарского господства он датирует 40–50-ми годами IX в. (16, с. 99, 102).

Появление в Среднем Поднепровье в начале 860-х годов новой группы викингов во главе с Аскольдом и Диром положило конец зависимости полян от Хазарского каганата, и, по мнению Н.Ф. Котляра, Киевское княжество Аскольда стало тем социально-экономическим ядром, вокруг которого начало спланиваться Древнерусское государство. Для IX в., с его точки зрения, нет заслуживающих доверия источников относительно государственно-образующей деятельности ильменских словен, сравнительно недавно перед тем пришедших на север с исторической прародины. «Поэтому, – заключает исследователь, – оживший в последнее время спор: откуда, с севера или с юга, “пошла Русская земля”, может быть однозначно решен в пользу юга» (8, с. 31).

Сторонники «северной» версии локализации «каганата русов», опираясь на археологические источники, отмечают, что материалы раскопок славянских поселений и могильников VIII–IX вв. отличаются весьма ограниченным набором предметов вооружения (наконечники стрел и копий), функционально не разграниченного на боевое и охотничье оружие. Единообразие жилищ и инвентаря захоронений, в целом весьма немногочисленного, надежно

свидетельствует об отсутствии сформировавшейся военной или правящей элиты. Поселения располагались гнездами (по четыре-пять), явная территориальная разобщенность которых не предполагает наличия какой-либо прочной социально-политической супер-структуры. По всем основным признакам это было общество свободных земледельцев, лишенное заметных имущественных и социальных различий, многие аспекты жизни которого совпадают с тем, как описывал жизнь славян, обитавших к северу от Дуная, император Маврикий в конце VI в. (21, с. 73). Масштабные раскопки в самом Киеве позволяют отнести начало самого раннего «урбанистического» этапа его истории лишь к 880-м годам (19, с. 66).

По археологическим данным, присутствие норманнов в Среднем Поднепровье становится заметным только с конца IX в. Между тем на севере восточнославянской территории скандинавские материалы фиксируются с середины VIII в. – в Ладого, с середины IX в. – в Приильменье, а затем и в Поволжье, на поселениях Волго-Окского междуречья (13, с. 89; 1, с. 44). Судя по количеству находок в погребениях шейных гривен с «молоточками Тора», щитковых фибул и других специфически скандинавских украшений, бытовых вещей и оружия, во второй половине IX в. и особенно в X столетии численность норманнов, расселившихся на «Восточном пути» (как в более поздних сагах обычно называется этот регион), заметно возросла. Их привлекали сюда колоссальные пушные ресурсы обширных лесных пространств. В торговле с мусульманским миром меха севера стали главным экспортным товаром, обмениваемым на восточное серебро. Со второй половины VIII в. фиксируется широкое поступление арабских (аббасидских) дирхемов на север и северо-запад лесных земель, и далее – на о. Готланд и в Центральную Швецию. Их путь из мусульманских стран, отмеченный многочисленными находками кладов, проходил через Кавказ, а затем через кубанские и приазовские степи вдоль Дона, мимо «белокаменных» крепостей Хазарского каганата, в направлении Средней Оки с последующим выходом в лесную зону. Другой поток восточного серебра шел вдоль Северского Донца, Ворсклы или других притоков Днепра в район между Верхним Днепром и далее по Двине к Балтике (21, с. 12–14, с. 25–27; 15, с. 192). Путь по Днепру и Черному морю, по-видимому, еще не функционировал, о чем свидетельствует отсутствие в Киеве ранних (IX в.) монетных кладов и скандинавских комплексов находок (13, с. 89).

Таким образом, имеющиеся археологические материалы дают основание рассматривать в качестве вероятной также и «северную» версию локализации «каганата русов». По мнению К. Цукермана, Русский каганат был сравнительно недолговечным государственным образованием, существовавшим в период с 830-х по 870-е годы в бассейне Волхова и исчезнувший в начале 870-х годов в результате межплеменной войны. Его центром, как полагает К. Цукерман, а также британские историки С. Франклин и Дж. Шепард, вполне могло быть (Рюриково) Городище – укрепленное поселение, которое, судя по характеру находок, было скандинавской торговой факторией первостепенной важности. Располагаясь в центре естественных коммуникаций, оно имело и большое стратегическое значение, доминируя над окружающей территорией. В пользу Городища может свидетельствовать тот факт, что и позднее оно служило местом обитания князя. Не исключено, что это был тот самый «Немогард», где, согласно Константину VII, князь Игорь поставил правителем своего малолетнего сына Святослава.

На Городище, с точки зрения британских ученых, указывает и свидетельство арабского географа Ибн Руста, согласно которому русы занимали большой болотистый и лесистый «остров» (*jazīra*), окруженный «озерами», а их царь (*malik*) носил титул *ḫāqān gūs* (хакан-рус). Однако, отмечают исследователи, термин «*jazīra*» означает не только «остров», но также «полуостров» и «анклав», которым, в частности, может быть территория между двумя реками. Поэтому «джазирой» в принципе является Волго-Клязьминское и любое другое междуречье. «Островной» характер Городища, расположенного на участке суши, со всех сторон окруженном реками, также достаточно очевиден. Эта специфика поселения с самого начала была отражена в его скандинавском названии – *Holmgarthr* (т.е. «огороженный остров», «островное

укрепление»). Позднее в скандинавских источниках оно было перенесено на возникший по соседству Новгород. Все это, считают С. Франклин и Дж. Шепард, дает веские основания рассматривать Городище-Holmgarth в качестве того самого пункта, из которого отправились и в который должны были вернуться послы народа *rhōs* в 838–839 гг. (21, с. 40–41; 19, с. 66–67).

Предметы вооружения, фортификационные сооружения и стратегическое положение Городища и поселений Ярославского Поволжья говорят о присутствии в них военной элиты, состоявшей преимущественно, если не исключительно, из скандинавов (21, с. 40). С точки зрения арабских писателей, русы были явно господствующей группой населения лесной зоны. Согласно Ибн Русту, они обеспечивали свое существование набегами на славян и торговлей мехами и славянскими пленниками. Однако, по мнению С. Франклина и Дж. Шепарда, здесь арабский географ демонстрирует незнание реальной ситуации, изображая как исключительно грабительские отношения русов с другими обитателями региона, которых он ошибочно называет «славянами» (*saqāliba*), тогда как местное население в большинстве своем тогда было еще угро-финским, а славянская колонизация находилась на начальной стадии. Кроме того, редкая населенность и лесистость территории исключали возможность неожиданных набегов и делали неэффективными попытки навязать какие-то формы принудительного обмена, в котором ключевую роль играли местные охотники и звероловы. В любом случае, взаимоотношения русов с аборигенами были более разнообразными, чем полагал Ибн Руст (21, с. 46–47).

Основой сложившейся к середине IX в. на севере под эгидой «кагана» русов политической структуры, как считают британские историки, мог быть только некий консенсус среди далеко не лояльных друг к другу пришельцев и активная кооперация с местным финноугорским и славянским населением. Сам факт такой кооперации, по-видимому, и отразился в ПВЛ в легендарной форме в виде рассказа о призвании руси. Первым наиболее известным ее деянием стал рейд на столицу Византии в 860 г., когда 200 кораблей неожиданно, «подобно грому среди ясного неба», по словам патриарха Фотия, появились в проливе Босфор. Широкомасштабная прямая атака на Константинополь с акватории Черного моря, по-видимому, еще не воспринималась византийскими стратегами как реальная возможность. Отсюда и недоумение Фотия, которое позволяет предположить, что русы еще не пользовались регулярно речными путями, ведущими в Черное море. Соответственно, как считают С. Франклин и Дж. Шепард, анахронизмом является утверждение ПВЛ о том, что нападение было организовано из Киева. Среднее Поднепровье, судя по археологическим данным, еще не стало в то время местом обитания руси; да и наличие здесь центра, имевшего какое-либо политическое, военное или экономическое значение, вряд ли могло оставаться тайной для византийских политиков и военных (21, с. 54).

Впрочем, очень трудно представить и проход 200 кораблей из волховской в днепровскую речную систему и далее через хазарскую податную территорию и днепровские пороги, не опираясь на договорные отношения с местным населением – кривичами и не имея надежной базы в Приднепровье, полагает В.Я. Петрухин. Если, пишет он, придерживаться традиционной датировки арабских известий о трех группах русов, то придется признать, что во второй половине IX в. существовало объединение с центром в Киеве (Куйабе), независимое от предполагаемого объединения с центром в Новгороде (Славийа), и это может соответствовать данным летописи о самостоятельном правлении Аскольда и Дира в земле полян (14, с. 80).

Однако нет никаких указаний на то, что послы «народа рос», о которых сообщают Бертинские анналы под 839 г., прибыли из Киева. Вряд ли можно считать и Городище базой начальной Руси. Присутствие здесь скандинавов надежно определяется временем не ранее 60-х годов IX в., к которым относится богатый комплекс скандинавской культуры (18, с. 33). Более ранние следы пребывания варягов в Поволжье фиксируются только в Ладогe, где к моменту основания поселения (около 750 г.) относятся дома каркасно-столбовой конструкции, близкие североевропейским халам, и характерные для скандинавов вещевые находки (скорлупообразные

фибулы, фризские гребни, навершия с изображением Одина, дрововые гривны и др.). Единичные скандинавские вещи конца VIII – первой половины IX в. в Восточной Европе кроме Ладоги обнаружены еще на Сарском городище. Однако в могильниках этого времени захоронений варягов не выявлено, что не позволяет говорить о проживании здесь скандинавов. Заметный приток норманнов в севернорусские области наблюдается только во второй половине IX в., что сопоставимо с данными летописи о призвании варяжских князей (18, с. 34; 15, с. 141–145). Неизвестно также, к какому времени – до или после призвания варягов – относится информация арабского писателя об «Острове» русов (12, с. 117–118). Как отмечает В.Я. Петрухин, варяги, бравшие дань со словен, чуди, мери и кривичей, согласно летописи, приходили «из заморья» и, следовательно, мало подходят для локализации каганата русов в Поволховье. «Заморье», однако, не было препятствием для скандинавских мореходов, и не исключено, что рассказ об острове (полуострове) русов относится все же к Скандинавии (14, с. 79; 12, с. 118). Впрочем, то, как изображают русов арабские авторы (занятие только торговлей и разбоем, отсутствие хотя бы намека на занятия сельским хозяйством) очень далеко отстоит от государственности, а то, что это сообщество возглавлял «хакан» («каган»), отнюдь не доказывает, что оно именовалось «каганатом» в подлинном значении этого слова (4, с. 17).

На отсутствие в источниках упоминаний о «русском каганате» обратил внимание В.Я. Петрухин (15, с. 140). Речь в них, как подчеркивает он, идет лишь о титуле «каган», на который, по-видимому, претендовал предводитель руси, и это вполне логично объясняется политической ситуацией, сложившейся в Восточной Европе к середине IX в. и зафиксированной в ПВЛ под 859 г. Она характеризовалась существованием двух сфер влияния (сбора дани) – варяжской, охватывающей земли словен, кривичей, чуди, мери и веси, и хазарской, включавшей территории полян, северян, радимичей и вятичей. Поэтому не случайно источники IX в., в том числе «Баварский географ», упоминают русь (норманнов) рядом с хазарами. Их соседство в данном случае имело не столько географический, сколько политический смысл, хотя и в территориальном плане их сферы господства практически соприкасались. Активность тех и других безусловно должна была привести к столкновению их интересов (13, с. 88–89).

Историческая ситуация изменяется после событий, произошедших на севере Восточной Европы и описываемых в ПВЛ под 862 г. как «призвание варягов». В результате во главе северного конгломерата «племен», с которых прежде брали дань варяги, оказывается предводитель викингов, известный по летописи под именем Рюрик. По наиболее вероятной версии, это был достаточно знаменитый датский конунг Рёрик (Хрёрик) Ютландский (или Фрисландский) из королевского рода Скъьльдунгов, военная и политическая активность которого приходится как раз на середину IX столетия (см.: 5, с. 225; 10, с. 45; 1, с. 37; 16, с. 108).

Главным «противоречием» летописного текста, указывающим на «искусственность» легенды о призвании, выглядит сообщение об изгнании за море насильников-варягов, собиравших дань со словен, кривичей и мери, и последующее обращение этих племен к тем же, в принципе, варягам. Однако, как отмечает В.Я. Петрухин, в контексте международных отношений «эпохи викингов» такая ситуация вряд ли может считаться необычной: правители разных стран приглашали норманнов и заключали с ними соглашения о защите своих земель от их же соотечественников. Вряд ли корректна также трактовка соглашения руси и славян как «прикрытия» традиционным мотивом «общественного договора» фактического завоевания и выплаты дани варягам в качестве выкупа мира. В раннесредневековый период государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались «завоевателями» формирующейся государственной территории вне зависимости от наличия или отсутствия принципиальных различий в этническом составе дружины и подвластного ей населения. Если мир и покупался этим населением, то и дружина была заинтересована в мире, чтобы «кормиться» на подчиненных землях (15, с. 152; 13, с. 118; 12, с. 108–109). Таким образом, заключает В.Я. Петрухин, можно вполне определенно предполагать, что конфликт с варягами-норман-

нами действительно завершился «рядом» – договором с русью, дружиной призванных князей. При этом славянская (и даже праславянская) правовая и социальная терминология легенды о призвании («ряд», «правда», «володеть», «княжить»), очевидно, указывает на то, что славяне были активной стороной в установлении «ряда» и формировании государственной власти, а сам договор стал основой развития дальнейших отношений княжеской власти со славянскими и другими племенами (15, с. 160–161; 13, с. 125, 127; 12, с. 120).

По мнению М.Б. Свердлова, основу легенды составили не *призвание* варягов или *договор* с ними, а *избрание* князя, которое восходило к древнейшей традиции славянских и других народов на последней стадии племенного строя. При этом, как и в случае избрания западными славянами франка Само, этническая принадлежность князя значения не имела. Политический смысл избрания Рюрика заключался в стремлении местной славянской и финно-угорской знати иметь в лице располагавшего сильной дружиной правителя противовес шведским викингам и избежать восстановления прежних даннических отношений с ними (16, с. 108–109; см. также: 1, с. 37–38).

Из летописных сведений о Рюрике следует, что после избрания князем он перенес княжескую резиденцию из приграничной Ладоги в более безопасное, но стратегически и политически более важное место, в центр расселения славян в данном регионе – Рюриково городище. Согласно ПВЛ, сложившееся объединение включало словен, кривичей, мерю, весь и мурому, в укрепленных центрах которых – Новгороде, Полоцке, Ростове, Белоозере и Муроме – сидели сам Рюрик и назначенные им мужи. Несмотря на легендарный характер рассказа, изображенная в ПВЛ картина какой-то территориальной общности, простирающейся от Старой Ладоги и Изборска до Верхней Волги и Нижней Оки, отнюдь не противоречит тому впечатлению, которое создают археологические источники, фиксирующие, как и летопись, тяготение скандинавов к «городам» (21, с. 38–40). Таким образом, полагает М.Б. Свердлов, при Рюрике на севере образовалось потестарное государство, представлявшее собой переходную форму от племенных княжений к собственно государству и аналогичное «каганату росов» в Среднем Поднепровье (16, с. 120).

Однако в середине – второй половине IX в. северное и южное государственные образования оказались в разных экономических и политических условиях. Объединение, этнополитическую основу которого составляли поляне и скандинавы Аскольда и Дира, противостояло Хазарскому каганату и не имело доступа к путям поставок восточного серебра. Северное объединение находилось в более выгодных условиях, контролируя значительную часть Балтийско-Волжско-Каспийского пути, обеспечивавшего поступление огромных масс серебра в Восточную и Северную Европу. Более того, «ряд» между русью и племенами севера Восточной Европы, по-видимому, стабилизировал политическую обстановку в регионе, следствием чего стало фиксируемое по монетнымкладам усиление с 860-х годов притока серебра на Русский Север (12, с. 120).

Эти объективные обстоятельства стали, по мнению М.Б. Свердлова, причиной военно-политического превосходства северо-западного княжества во главе с династией Рюриковичей над южным государственным образованием с центром в Киеве. Их объединение в результате похода Олега (сканд. *Helgi*) в 882 г. (согласно летописной хронологии) имело значительные последствия для Восточной Европы. Образовалось Русское государство, под контролем которого оказалась вся восточноевропейская система речных путей (16, с. 129–132).

Примечательно, что одновременно, в последней четверти IX в., наступает перерыв в поступлении арабского серебра, которое почти непрерывным потоком шло через Хазарию с рубежа VIII–IX вв. Эта «блокада» Руси, по мнению В.Я. Петрухина, явилась реакцией хазар на присвоение Олегом дани с северян и радимичей, входивших в зону влияния Хазарского каганата. Поступление монет возобновляется в начале X в., но уже в обход Хазарии, через Волж-

ско-Камскую Болгарию из государства Саманидов в Средней Азии. Тогда же – не ранее первой четверти X в. – первые клады дирхемов появляются в самом Киеве (13, с. 92–93, 132; 21, с. 87).

С конца IX и в X в. Волга становится главным каналом поступления серебра в земли русов, и с этим связана заметная интенсификация жизни на поселениях Ярославского Поволжья (Тимерево, Михайловское, Петровское), в районе озер Неро и Плещеево, в округе Суздаля и Юрьева-Польского, материалы раскопок которых свидетельствуют о росте числа скандинавов в этом регионе. Так, Тимерево превращается в своего рода гигантский торговый зимний лагерь, подобный шведской Бирке (21, с. 68).

Однако несмотря на все экономические выгоды волжского пути, дальнейшая экспансия русов в этом направлении была надежно перекрыта болгарами. Альтернативный маршрут по Днепру и Черному морю имел ряд неудобств, главным из которых были днепровские пороги, что практически уничтожало преимущества транспортировки товаров по воде. Вместе с тем район Среднего Поднепровья обладал плодородной почвой и был достаточно плотно заселен. В этой ситуации, как отмечают С. Франклин и Дж. Шепард, «поворот на юг» и освоение русами Среднего Поднепровья выглядит вполне закономерным (21, с. 87).

На рубеже IX–X вв. археологические материалы фиксируют существенные изменения, происходящие во всем Днепровском регионе. На территории самого Киева с начала X в. начинается активная застройка Подола и освоение этого района в торговых целях. В то же время в районе современного Гнёздова формируется поселение, отождествляемое с древним Смоленском, и начинает функционировать расположенный рядом некрополь, на котором появляются захоронения скандинавов. Присутствие военной элиты документируют также материалы раскопок могильников X в. в Шестовицах под Черниговом и в самом Киеве. Характерной чертой становится распространение камерных погребений – подкурганых захоронений в деревянных срубах, которые предварительно, до возведения насыпи, подвергались сожжению вместе со всем содержимым – покойником и сопровождающим его инвентарем, включая весьма представительный набор оружия. Такие погребения встречаются как в Швеции (главным образом в Бирке, а также в Упланде), так и по всему «Восточному пути». Но особенно много их в Гнёздове и в Среднем Поднепровье, что, по-видимому, указывает на те основные центры, где в X в. обитало большинство русов, и свидетельствует о притягательности и особой роли Днепра в качестве того маршрута, по которому (а не по Волге) проходила теперь скрепляющая ось земель русов (21, с. 105, 122–123, 152).

Материалы могильников дают некоторое представление о масштабах миграции норманнов на восточнославянскую территорию. Так, по данным, приведенным Л.С. Клейном, в Киевском некрополе из этнически определимых захоронений норманнам принадлежит 18–20%. В Гнёздовском могильнике под Смоленском из этнически определимых могил 27% оказались точно славянскими, а 13% скандинавскими. В Ярославском Поволжье в Тимеревском могильнике из этнически определимых погребений X в. 75% принадлежат местному финскому населению, 12% – славянам и 13% – скандинавам. Но уже в начале XI в. доля славян возрастает до 24%, а доля норманнов падает до 3,5%, обозначая тем самым быстрый процесс ославянивания пришельцев (5, с. 230–231).

Вдоль пути «из варяг в греки» в первой половине X в. формируется государственная территория Руси. Ее основу составляли область Среднего Поднепровья (Киев), Верхнее Поднепровье (Смоленск) и Поволховье (Новгород), находившиеся под непосредственной властью киевского княжеского семейства. К этой основе прилегалась система зависимых от Руси восточнославянских общностей («Славиний», по терминологии трактата Константина VII), сохранявших свою внутреннюю структуру и собственных князей, но обязанных великому русскому князю, сидевшему в Киеве, данью и союзом (1, с. 61, 73–74).

По мнению И.П. Ермолаева, созданное в конце IX в. варягами военно-политическое объединение ряда славянских племен представляло собой государство «торгово-посредниче-

ского» типа, в котором основной ценностью была не земля как таковая (в силу низкой урожайности), а промыслы, связанные с извлечением лесных ресурсов, и пути сообщения – относительно легкие благодаря развитой речной системе. Этим объясняется столь незначительный интерес к проблемам землевладения и аграрных отношений в раннем законодательстве, внимание к которым становится заметно только в Правде Ярославичей (в начале 70-х годов XI в.), но главным образом лишь в Пространной Правде начала XII в. Первоначально основной задачей государственной власти, осуществляемой князем и его дружиной, был сбор дани с подвластных славянских племен в виде товаров, имевших наибольший спрос в Византии (рабы, меха, мед, воск), и организация торговых экспедиций в Константинополь. Превращение Киева в столицу было обусловлено тем, что он оказался самой южной точкой, до которой варяги безопасно могли доставлять товары, собранные во время зимнего полоудья, и, следовательно, главным пунктом складирования дани (3, с. 41, 42–43).

Относящиеся к началу X в. два договора Руси с византийскими императорами, приведенные в ПВЛ под 907 и 911 гг., свидетельствуют о том, что «торговое сообщество» с момента своего утверждения в Киеве сразу же начало устанавливать связи с рынками Константинополя. Судя по трактату Константина VII «De administrando imperio», русы, осевшие на юге, по-видимому, больше зависели от сбора дани, чем те, которые обитали на севере. В их торговле, полагают С. Франклин и Дж. Шепард, не меха, а рабы составляли наиболее заметную и, вероятно, единственно ценную категорию экспорта, как можно заключить на основе текстов упомянутых договоров. Главной опасностью для торговых караванов русов на пути в Византию являлись печенеги, обычно поджидавшие их в районе днепровских порогов. Этим, по мнению британских исследователей, объясняется формирование в Среднем Поднепровье более прочной, чем на севере, военно-политической структуры. Если на севере «каган» русов был в большей степени номинальной фигурой, то лидеры днепровских русов являлись действующими военачальниками, которые постоянно должны были заботиться о непрерывном поступлении дани и доходов от торговли, чтобы материально обеспечивать свои дружины. Наполненные оружием подкурганые камерные захоронения некрополей на Старокиевском холме, в Шестовицах и Гнёздове являются убедительным индикатором формирования общества, организованного для ведения войны (21, с. 124).

С точки зрения И.П. Ермолаева, Древнерусское государство (Киевская Русь) в какой-то степени было создано «искусственно». Разумеется, пишет он, объединение восточнославянских племен было подготовлено внутренними социально-экономическими процессами. Но произошло оно в результате похода князя Олега на Киев при активном участии его «руси», варяжской дружины. Таким образом, варяги сыграли роль катализатора этого процесса (3, с. 33). В результате «государство» оказалось как бы привнесённым извне, «навязанным» народу, считает И.П. Ермолаев, следствием чего явилось развитие менталитета «противостояния» между обществом и властью. Военно-политическая элита («дружина»), изначально «пришлая», оторванная в основном от местного населения, объединённого в общины, долгое время (по крайней мере до середины XI в.) оставалась неземлевладельческой. Княжеские пожалования «мужам» составляли не земельные угодья, а часть государственных доходов с определенной территории, в дальнейшем развившихся в систему «кормлений» назначенных князем должностных лиц. Соответственно общество в целом делилось на два противостоящих друг другу слоя – «дружинный» и «мирской» (по терминологии И.П. Ермолаева) (3, с. 40–41).

Следует, однако, заметить, что сравнение с другими славянскими странами, как показал А.А. Горский, не дает оснований для утверждения о каком-то заметном ускорении, которое придало норманнское влияние процессу формирования государственности в восточнославянском регионе. Нет также никакой специфики и в особой, даже решающей роли дружины в этом процессе. Более того, возникновение государства у народов Скандинавии и у славян происходило принципиально сходным образом и относительно синхронно, в силу чего викинги без

затруднений включались в них, а местное общество пришельцев не отторгало: этнически чужие первоначально, они были близки в социально-политическом и культурном отношении. Особую роль норманнов исследователь видит именно в объединении **всех** восточных славян в одном государстве. Если бы, полагает он, в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути «из варяг в греки» под единой властью, что было вряд ли возможно без сильного варяжского дружинного контингента, то, вероятно, в восточнославянском регионе сложилась бы, по крайней мере поначалу, полицентричная государственная система. Утверждение же варяжских правителей в Киеве привело к формированию на Восточноевропейской равнине в X в. одного славянского государства, в котором скандинавская по происхождению часть элитного слоя (в том числе и группы, располагавшиеся на Севере) была быстро ассимилирована (1, с. 46–49).

Наиболее удачно отражает специфику Древнерусского государства конца IX – X в., с точки зрения Н.Ф. Котляра, предложенное Е.А. Мельниковой определение «дружинное государство» (см.: 7, с. 54; 9, с. 39). Важнейшей особенностью его социальной системы является обособление профессионального военного слоя, не связанного не только с общиной, но и с этнополитической (племенной) организацией. Специфика политической системы дружинного государства состоит в том, что государственные функции выполняются главным образом военной организацией – дружиной. Наряду с чисто военными функциями (организация завоевательных походов и обороны территории страны) дружина образует органы центральной власти, осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение (частично через контроль над внешней торговлей), а также административное управление (9, с. 40). Власть этой дружины над восточным славянством, долго сохранявшим «племенные» (диалектные) различия, не только была государственной властью, но и разрушала родоплеменные традиции – экзогенное (скандинавское) происхождение первых княжеских дружинников способствовало этому разрушению (12, с. 136).

Из включенных в ПВЛ текстов договоров руси с греками вырисовывается определенная социально-политическая структура, формирующаяся вокруг одной доминирующей родственной группы, члены которой наряду с ее главой посылают собственных представителей на переговоры с императором. Из тех же документов можно сделать вывод о существовании целого ряда «князей» и богатых магнатов. Лицам подобного статуса, очевидно, и принадлежали огромные курганы, такие как Черная Могила под Черниговом, датируемая серединой X в. Именно они, по мнению С. Франклина и Дж. Шепарда, фигурируют в трактате Константина VII в качестве архонтов, возглавлявших отряды «росов», которые отправлялись зимой из Киева для сбора дани (21, с. 124).

Глава этого сообщества представлен в договорах под титулом «великий князь русский», что, по мнению М.Б. Свердлова, может быть обусловлено соображениями дипломатического этикета либо следствием выделения киевского князя из числа других князей, возглавлявших племенные княжения в составе Русского государства (16, с. 151). Однако последовательного применения к киевским князьям определения «великий», что позволило бы говорить об утверждении за верховным правителем Руси официального великокняжеского титула, в период с конца X до середины XII в. не наблюдается. Это, разумеется, не является доказательством его отсутствия в первой половине X в., но вместе с тем указывает на специфику системы политической власти на Руси (16, с. 152; 1, с. 119).

В любом случае, содержание статей договоров, полагает М.Б. Свердлов, раскрывает положение великого князя как суверенного и полноправного правителя Руси, персонифицирующего собой государство, единственного полномочного контрагента византийских императоров (16, с. 156–158).

В договоре 911 г., однако, упоминаются и другие «великие князья», а в договоре 944 г. – «всякое княжье» и просто «князья». В них обычно видят князей зависимых от Киева славянских общностей (7, с. 63) либо представителей правящей династии Рюриковичей (12, с. 132).

Их отношение к «великому князю русскому» определяется понятием «под рукою», свидетельствующим о том, что и племенные князья, и родственники великого князя являлись его вассалами. Таким образом, в первой половине X в., очевидно, существовала некая иерархия князей во главе с «великим князем русским» (16, с. 160–161; 1, с. 66).

Примечательно, что в тексте русско-византийского договора 971 г. Святослав назван «великим князем русским», как и его предшественники, Олег и Игорь, но какие-либо другие князья в нем уже не упоминаются. По мнению М.Б. Свердлова, такая ситуация свидетельствует о дальнейшей концентрации княжеской власти вследствие реформ княгини Ольги. В землях племенных княжений были организованы опорные пункты великокняжеской (центральной) власти (погосты и станы), регламентирован сбор дани, а племенные князья были либо устранены, либо стали великокняжескими служилыми людьми на уровне посадников (16, с. 224–225; 7, с. 73). Это, с точки зрения Н.Ф. Котляра, ознаменовало начало процесса превращения «надплеменного государства» в раннефеодальное (7, с. 69).

Соответственно, в дальнейшем, в условиях, когда все восточнославянские земли оказались под властью одного княжеского рода, необходимость в особом титуле для верховного правителя отпала: таковым являлся тот, кто считался старейшим в роде и сидел в Киеве. Княжеское достоинство стало признаваться только за Рюриковичами: князем нельзя было стать, им можно было только родиться в этой династии (1, с. 119). Однако, как отмечает М.Б. Свердлов, монополия на власть рода Рюриковичей явилась причиной возникновения особого феномена: принадлежность к этой княжеской династии становится основанием на право княжения, т.е. право управлять (владеть) той или иной территорией в рамках существующих государственных границ (16, с. 245).

Власть всего княжеского рода – «родовой (коллективный) сюзеренитет» – не был, разумеется, отличительной чертой одной лишь Руси в раннесредневековый период, так же как и деление страны на уделы между сыновьями-наследниками. Этот феномен, получивший в науке название *corpus fratrum*, известен во многих раннесредневековых государствах, в частности в Королевстве франков. Он предполагал неременное соучастие всех наличных братьев в управлении государством по смерти их отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании королевств-уделов при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы (см.: 11, с. 501–502). По мнению В.Я. Петрухина, уже из событий начальной русской истории становится очевидной цель деления на «уделы»: единственной возможностью удержать под единой властью разные племена и их центры было утверждение в этих центрах представителей одной династии – создание «генеалогической федерации» земель (по терминологии В.О. Ключевского). Однако, как подчеркивает исследователь, эта «родовая» власть по сути была антиродовой и антиплеменной, поскольку архаичным родоплеменным структурам навязывался иноплеменный правитель. Власть княжеского рода оказывалась, таким образом, государственной властью – властью, стоящей над подданными и не включенной в архаичные догосударственные структуры; экзогенность этой власти, подчеркнутую легендой о призвании варягов из-за моря, осознавали все русские правители, вплоть до Ивана Грозного (12, с. 131).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.